

ИСТОРИЯ АНТИЧНОГО ХРИСТИАНСТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА В. А. ФЕДОСИКА

И. О. Евтухов

Минск, Белорусский государственный университет, Ewtuhov@tut.by

В статье доказывается, что в работах профессора В. А. Федосика (кандидатская и докторская диссертации, монографии, статьи) была сформулирована оригинальная концепция истории раннего христианства. Указанная концепция: 1) была связана со взглядами академика Н. М. Никольского, 2) опиралась на более широкую исследовательскую базу (был добавлен анализ института катехумената и анализ пассионов), 3) является рамочной в современном белорусском антиковедении.

Ключевые слова: античное христианство; Н. М. Никольский; Г. М. Лившиц; В. А. Федосик.

The article proves that the original concept of the history of early Christianity was formulated in the works of professor V. A. Fedosik (PhD and Dr. habil. dissertations, monographs, articles). The mentioned concept: 1) was connected with the academician N. M. Nikolsky views, 2) was based on a broader research base (the analysis of the catechumenate institute and the analysis of passions were added), 3) is a framework concept in modern Belarusian antiquity.

Keywords: ancient Christianity; N. M. Nikolsky; G. M. Livshits; V. A. Fedosik.

Постановка проблемы. Античное христианство представляет собой начальный этап развития христианства, пересекающийся с античной историей и охватывающий таким образом сер. I – V вв. н. э. В силу ключевой роли, сыгранной христианством в процессе становления современной европейской цивилизации время его зарождения является центром притяжения научных интересов исследователей различных специальностей. В данной статье рассматривается изучение античного христианства видным белорусским историком-античником доктором исторических наук профессором Виктором Анатольевичем Федосиком. Актуальность выбранной проблемы состоит в акцентировании внимания на рассмотрении подхода историка, использующего более широкую источниковую базу, соответствующую терминологию и методы исследования, по сравнению с богословами, философами и религиоведами. Цели статьи: 1) проследить процесс зарождения, формирования и кристаллизации исторической концепции в публикациях историка за определенный период времени, 2) сформулировать указанную концепцию.

Методы анализа. В статье использованы следующие методы исследования: *кластеризация* (формирование группы кластеров, каждый из которых является реализацией решения отдельной ключевой проблемы, и распределение их в хронологической последовательности, что позволяет проследить историю формирования концепции), *историко-генитический анализ* материала, включенного в кластер, *индуктивное обобщение* полученных данных и формулировка концепции.

Концепции Н. М. Никольского и Г. М. Лившица. Начало изучения истории античного христианства в Беларуси связано с именем Николая Михайловича Никольского. В июне 1922 года профессор Никольский переехал из Смоленска в Минск, где возглавил кафедру истории религии образованного годом ранее Белорусского государственного университета [1, с. 26]. Относительно раннего

христианства в советском религиоведении к тому времени уже оформились два направления: мифологическое и историческое. Николай Михайлович был убежденным сторонником последнего. Он писал в книге «Иисус и первые христианские общины» [2], изданной в Москве незадолго до его переезда в Смоленск: «Прочитав синоптиков, мы почувствуем, что в них, действительно записано много подлинных речей Иисуса, почувствуем его личность, стремления, настроение. Можно сочинить отдельные изречения и притчи; но нельзя, расположив их в беспорядке, как у синоптиков, все-таки достичь того, что за ними будет чувствоваться живой проповедник» [2, с. 35], «Очевидно, что эти рассказы евангелий (о суде и распятии – *И. Е.*) построены не на домыслах и вымыслах, как история рождения и детства Иисуса, а на прочной и верной традиции воспоминаний учеников Иисуса, которые были свидетелями его последних дней» [2, 39], «Итак, мы считаем, что Иисус был действительным, историческим лицом» [2, 40].

Целостный взгляд на античное христианство профессор Никольский представил в статье «Христианство», подготовленной в 1929 г. для третьей части сорок пятого тома словаря Гранат [3]. Здесь он выделяет три периода: 1) раннее (эсхатологическое) христианство, 2) перерождение его в церковь, 3) закрепление догматики и организации вселенской церкви [3, с. 1]. Первый период имел выраженную направленность на идеологическое обеспечение чаяний мелкого иудейского люда: «мировой переворот, по его взглядам, будет и социальным переворотом, который уничтожит всех врагов эксплуатируемого бедного иудейского люда, не только римлян, но и правящую верхушку иудейства» [3, стлб. 3]. Постепенный отход значительного числа общин от иудейской традиции связан с успешной проповедью апостола Павла. Второй период знаменует широкое распространение христианства. При этом общины претерпевают важное изменение своего социального состава: «До последней четверти II века в составе христианских общин преобладают еще мелкие люди – рабы, вольноотпущенники, мелкие ремесленники; но все же процент состоятельных и высокопоставленных людей значительно увеличивается, и в особенности заметен рост влияния этой богатой верхушки» [3, стлб. 11]. По мере ослабления эсхатологических чаяний «выдвигается комбинированная идеология загробного воздаяния и воскресения из мертвых при пришествии Христа» [3, стлб. 12]. «Рядом с новой идеологией создаются система регулярного культа и церковная организация» [3, стлб. 16]. Распространение христианства наталкивается на недовольство жречества и «торговых и промышленных кругов, работавших для старых культов, для которых Х[ристианство] с каждым десятилетием становилось все более и более грозным противником» [3, стлб. 20], что приводит к гонениям. Третий период начинается с принятием Миланского эдикта в 313 году: «Получив свободу и правоспособность по Миланскому эдикту и пользуясь содействием Константина, который... перед смертью принял крещение, церковь энергично приступила к завершению своего развития, прежде всего в области догматики» [3, стлб. 21].

Отдельные направления, намеченные указанной концепцией, получили свое дальнейшее развитие. Идеологии сторонников первоначального христианства посвящена работа «Мировой и социальный переворот по воззрениям раннего христианства» [4]. Здесь профессор Никольский отмечал, что «причудливое, пестрящее фантазмагориями здание эсхатологии строилось на простом социальном фундаменте; его отдельные части и орнамент, с первого взгляда как будто не поддающиеся синтетическому рассмотрению, на самом деле отвечают совершенно определенным запросам тех, для кого оно предназначалось» [4, с. 148–149].

Второму периоду, формированию культа, посвящена работа «Еврейские и христианские праздники. Их происхождение и история» [5]. Происхождение христианских праздников (и обрядов) профессор Никольский увидел в изменении социального состава общин («Пролетарии и рабы стали из христианских общин уходить; на их место стали проникать все больше и больше состоятельные элементы [5, с. 107]»), приведшего к изменению идеологии («Ученые руководители общин, применяясь к настроениям буржуазных элементов общин, выдвинули сначала новое учение о загробном воздаянии, а затем и новое учение о христе (sic!)» [5, с. 108]). «В связи с этими переменами, – продолжает историк, – выработался окончательно новый обряд евхаристии. Из совместных жертвенных трапез под председательством пресвитера и с невидимым присутствием явившегося (sic!) по призыву общины христа (sic!) она превратилась в главное богослужение христианской церкви л и т у р г и ю (о б е д н ю), или у католиков – м е с с у» [5, с. 111].

В своих последующих работах профессор Никольский к проблемам античного христианства не обращался.

К изучению истории античного христианства несколько десятилетий спустя обратился доктор исторических наук профессор кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ Гилер Маркович Лившиц в монографии «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря» [6]. Представленная в ней концепция античного христианства значительно отличается от рассмотренного выше варианта профессора Никольского, на работы которого в монографии нет ни одной ссылки. Он упоминается единственный раз во введении при перечислении историков, занимавшихся изучением Библии и раннего христианства [6, с. 9]. Книга «Иисус и первые христианские общины» в библиографическом списке к монографии отсутствует.

Гилер Маркович в отличие от своего старшего коллеги по кафедре признавал правоту мифологической школы: «Евангелия составлены многими авторами путем обработки мифов, легенд и нравственных поучений различных древних народов. Мифологическим и легендарным повествованиям о всевозможных чудесах евангелисты придали форму мнимоисторического рассказа» [6, с. 157]. Гонения на христиан воспринимались как эпизод не заслуживающий особого внимания: «В церковной истории наблюдается тенденция представить христианство до начала IV в. как гонимую религию, а ее последователей изобразить мучениками за веру. Такая тенденция проявляется в сильном преувеличении количества, размеров и жестокости преследований христиан со стороны государства. Факты, однако, свидетельствуют о том, что гонения на христиан не носили массового и систематического характера, во всяком случае, их было гораздо меньше, и они не отличались такой жестокостью, как это стремится представить христианская традиция» [6, с. 139]. Возникновение праздников и обрядов не рассматривалось. В дальнейшем история античного христианства вышла за пределы исследовательского горизонта профессора Лившица.

Наконец, к разработке данного направления приступил ученик Гилера Марковича, выпускник исторического факультета БГУ, аспирант Виктор Федосик, включивший в сферу своих научных интересов изучение происхождения христианских таинств с позиции историка. В 1977 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Возникновение христианских таинств крещения и причащения (социально-политическая эволюция христианства и обрядовая практика» [7]. А два года спустя переработал ее в монографию «Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских

таинств» [8]. Благословили труд молодого историка маститые советские антиковеды. Научным редактором книги выступил доктор исторических наук, профессор Федор Макарьевич Нечай (заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков БГУ), первым рецензентом – доктор исторических наук, профессор Аркадий Семенович Шофман (заведующий кафедрой всеобщей истории Казанского университета). Аркадий Семенович так же был первым оппонентом на защите кандидатской диссертации.

Вопрос об историчности Иисуса Христа (фактический тест на принадлежность автора к исторической или мифологической школе) в диссертации и монографии не затрагивался, ибо выходил за рамки заявленной темы исследования. Но без него все же не обошлось. На защите перед изумленными членами Совета в яростной дискуссии сошлись Г. М. Лившиц (научный руководитель и сторонник мифологической школы) и М. М. Кубланов (второй оппонент и сторонник исторической школы) [9, с. 8].

Происхождение и социальная сущность первых христианских таинств.

Вопросу о таинствах в рамочных концепциях Н. М. Никольского и Г. М. Лившица отводилось незаслуженно мало места.

В первом случае проблема возникновения таинства причастия решалась при помощи гипотезы о перенесении устоявшихся традиционных обрядов на христианскую почву: «... христианская масса, среди которой во II веке было уже мало иудеев, слушая чуждые для нее ссылки на еврейские верования, сейчас же соединяла новое учение с привычными и общеизвестными обрядами из области греческих и малоазиатских культов... Среди греческой народной массы был очень популярен культ бога Диониса; на праздниках в честь этого бога приносился в жертву в качестве символа Диониса бык, мясо которого участники обряда рвали и ели сырым, веруя, что таким путем в них входит кровь Диониса, приносящая здоровье и силу. А в Малой Азии был очень распространен культ бога Аттиса; его последователи совершали магический обряд соединения с Аттисом, заключающийся в том, что над ямой приносился в жертву бык или баран, символизировавший бога, а участники обряда по очереди становились в яму, пили льющуюся горячую кровь животного и подставляли под кровь грудь и спину, чтобы кровь обрызгала все тело; участники обряда верили, что таким путем они обрызгиваются кровью как бы самого Аттиса и получают залог здоровья и вечной жизни» [5, с. 108–109]. И далее: «Церковные руководители преобразовали последнюю (евхаристию, причастие – И. Е.) таким образом, чтобы она могла конкурировать с искупительными жертвенными обрядами культов Диониса и Аттиса» [5, с. 110]. Во втором случае проблема происхождения таинства причастия не затрагивается вообще.

Приступая к исследованию В. А. Федосик поставил перед собой цель «раскрыть связь христианской обрядности с появлением и ролью клира, церкви, конкретно осветить процесс создания ритуалов и содержания христианских таинств крещения и причащения в связи с изменением социального состава христиан, выработкой вероучения» [8, с. 13].

Данная постановка проблемы предусматривала отслеживание изменений по крайней мере по четырем линиям: 1) социальная структура общества, в которое включены христианские общины, 2) социальный состав христианских общин, 3) ритуальная практика, 4) клир. Последнее направление открывает возможность проанализировать внутреннее саморазвитие христианских общин, исходя из их потребностей и доступных ресурсов (в основном кадровых и интеллектуальных). Полученная информация разносится по хронологическим периодам, каждый из

который фиксирует определенный этап развития процесса.

Соответственно, монография включает в себя главы «Обряды крещения и причащения, коллективные трапезы в христианстве I в. – первой половины II в.», «От обряда – к таинству» (охватывает вторую половину II–III вв. – И. Е.), «Христианские таинства крещения и причащения в IV–V вв.». Структура монографии показывает направленность исследования на формирование еще одной концепции античного христианства. Верхняя граница ее выходит на V в. В то время как Н. М. Никольский ограничил свою модель Миланским эдиктом 313 года.

В результате детального анализа первоисточников и историографии автор обосновал свой вывод о том, что сформировавшиеся в общинах обряды крещения и причащения в конце II в. были объявлены таинствами, связанными с получением благодати. Единственным распределителем ее был признан клир, усиливший свои позиции в результате увеличения в общинах влияния имущих элементов. В III в. в результате драматизации культа сложились первые литургии, включившие в себя со временем «молитвенные просьбы за благополучие государства, императоров, армии» [8, с. 149].

Виктор Анатольевич не только выполнил обозначенную во введении задачу и решил важную проблему из истории античного христианства, но и определил направление дальнейших исследований. В заключительной части введения к монографии он поставил вопрос о наличии скрытого учения у ранних христиан: «Нет ли эзотерических тенденций в описаниях, упоминаниях об обрядах крещения и причащения в христианских произведениях, т. е. скрывали ли древние христиане, подобно античным мистам, наиболее сокровенные моменты в совершении этих обрядов от непосвященных?» [8, с. 17]. Был предложен и ответ («...христианство не было узконациональной, замкнутой религией, и эзотерические тенденции в нем не получили значительного места» [8, с. 18–19]), за которым последовала исследовательская гипотеза: «Возможно какую-то промежуточную роль здесь сыграл институт катехумената, готовивший желающих стать христианами к торжественному акту крещения» [8, с. 19]. Проблема была определена. Решению ее Виктор Анатольевич посвятил свою вторую монографию «Критика богословских концепций сущности христианского катехумената» [10]. Научным редактором книги был профессор Лившиц, первым рецензентом – профессор Шофман.

Катехуменат. Институт катехумената остается недостаточно исследованным вплоть до настоящего времени. Посвященные ему работы представляют собой в худшем случае не связанный с историческим анализом религиозно-пропагандистский дискурс (например книга доктора богословия, священника Пола Тернера «Аллилуя хайвэй: История катехумената» [11]), в лучшем случае – подборку выдержек из раннехристианских произведений, расположенных в хронологическом порядке, без претензий на аналитику (например, статья англиканского священника, известного историка литургии Пола Фредерика Брэдшоу «Евангелие и катехуменат в III в.» [12]).

Институт катехумената в своей усеченной форме сохранился в современном христианстве, в частности, в православии, на что указывает структура основного христианского богослужения, литургии. Законоучитель московских мещанских училищ протоиерей И. Бухарев объяснял: «Почему вторая часть Литургии называется Литургиею оглашенных? Потому что к слушанию ее, кроме крещенных, допускаются и оглашенные. Кто такие оглашенные? Оглашенные называются те, которые только еще готовятся ко крещению, и их оглашают, т. е. учат, как они должны верить и как жить после крещения. К оглашенным принадлежат и те из крещенных, которых духовный отец отлучил или не допустил до св. причащения

за какие-либо тяжкие грехи» [13, с. 79]. А значит исследователю приходится иметь дело с таким своеобразным историческим источником, как тексты древних литургий. Виктор Анатольевич уже столкнулся с ними при работе над кандидатской диссертацией и первой монографией. Но тогда он ограничился кратким экскурсом [8, с. 141–145]. Теперь же ему пришлось подвергнуть их тщательному анализу. Здесь он выступил в роли первопроходца, ибо «ряд источников, использованных в данной работе, в советской историографии пока не анализировался, особенно это относится к литургическим сочинениям» [10, с. 8].

Формирование катехумената В. А. Федосик связывает с процессом выработки организационной структуры церкви, направленном на ее массовую часть, мирян. Сам институт исследователь определяет как своеобразный «боковой побег» [10, с. 79]. Функционально катехуменат противопоставлялся официальной римской религии, основанной на принципе наследственной принадлежности. Бывшие катехумены, получившие определенный запас знаний и аргументов, после принятия крещения становились не только полноправными членами общины, но и подготовленными пропагандистами новой веры [10, с. 80]. Обращение христианской церкви к крещению младенцев, означало возврат к «принципу наследственной принадлежности, которую отрицало на начальных этапах своего существования» [10, с. 81], привело катехуменат к закату. Исчезла функция – исчез механизм, ее осуществлявший, оставив напоминание о себе в виде реликта, литургии оглашенных.

Вместе с тем следует признать, что институт катехумената в монографии был раскрыт не в полном объеме, что видно по содержательному аспекту обучения. В. А. Федосик не предложил исчерпывающий анализ того, кто, чему и как обучал катехуменов, не рассмотрев в монографии трактат Аврелия Августина «Об обучении оглашаемых» (*De catechizandis rudibus*). Хотя определенная возможность для этого была. В 1976 г. доктор исторических наук профессор Мария Ефимовна Сергеенко опубликовала перевод данного произведения на русский язык [14]. Следует учитывать, однако, что перевод был опубликован в не всегда доступном в советское время для обычного читателя издании Московской патриархии «Богословские труды».

Тем не менее решение вопроса о катехуменате закрывало лакуну в сформировавшейся концепции античного христианства, завершало рассмотрение становления епископальной церковной структуры и открывало путь к следующему проблемному узлу: отношения церкви и государства.

Церковь и государство. Отношения двух систем могут иметь различные состояния: быть никакими, при отсутствии точек соприкосновения, приобрести характер сотрудничества, вплоть до взаимного проникновения и слияния, враждебными, вплоть до полного уничтожения одной из них. Механизм, управляющий системой, по-своему раскрывается в каждом из состояний, но наиболее полно – во времена противостояния, при котором его ресурсы достигают максимальной концентрации. Завершение противостояния победой или поражением приводит к качественному изменению системы.

Противостояние двух систем, христианской церковной и древнеримской государственной, Виктор Анатольевич Федосик проанализировал в своей третьей монографии «Церковь и государство: критика богословских концепций» [15]. Научным редактором книги был член-корреспондент АН БССР, доктор философских наук, профессор Евгений Михайлович Бабосов, первым рецензентом – известная советская исследовательница истории раннего христианства Ирина Сергеевна Свенцицкая: доктор исторических наук, профессор, заведующая

кафедры истории древнего мира Московского заочного педагогического института. В структурном отношении работа представляет собой «ряд очерков, в которых исследуется социальная доктрина христианской церкви III – начала IV в., взаимоотношения государства и церкви в первой половине III в. и во время общеимперских гонений на христиан, а также рассматривается вопрос о начальном этапе образования союза христианской церкви с государственной властью Римской империи» [15, с. 6]. Отношения имперской власти и ересей выносятся за скобки.

В первой главе «Христианская церковь в III – начале IV в.: социальная доктрина и организация» автор отмечает, что «источники не позволяют утверждать, что к началу III в. в христианстве повсеместно утвердилась церковная организация, основанная на монархической власти епископа» [15, с. 18–19]. Переход от демократических общин раннего христианства к епископальной церкви В. А. Федосик анализирует на основании сочинений Киприана Карфагенского, получившего у богословов титул «отца терархии» и приходит к выводу, что «к началу серьезных столкновений с государственной властью Римской империи в христианстве уже существовала строго организованная, централизованная церковь» [15, с. 29].

Остальные пять глав монографии (160 страниц из 204-х) посвящены гонениям на христиан: от эпизодических преследований при Септимии Севере до «великого гонения» императора Диоклетиана. При том, что научный руководитель кандидатской диссертации В. А. Федосика, профессор Г. М. Лившиц, как было указано выше, считал, что антихристианские гонения в Римской империи были сильно преувеличены. Таким образом, формировавшаяся концепция античного христианства приблизилась к варианту профессора Н. М. Никольского, не отрицавшего значительную роль гонений в истории античного христианства.

Основным источником информации о мучениках были пассионы, сложившиеся намного позже описываемых событий. В использовании пассионов в качестве исторических источников В. А. Федосик выступил первопроходцем, как и при работе с текстами литургий. Доктор исторических наук Юлия Константиновна Колосовская (ИВИ АН СССР) обратилась к ним несколькими годами позже [16].

В. А. Федосик по-новому посмотрел на проблему гонений, обратив внимание на их нелинейный и дискретный характер: «Мы наблюдаем здесь довольно длительные периоды терпимости, вспышки репрессий, иногда прямого вмешательства государства в церковные дела, диктовавшиеся политическими интересами, попытки использования христианства для идеологического укрепления империи наряду с сохранением традиционной религии» [15, с. 202–203]. Причину исследователь увидел во взаимной заинтересованности римского государства и церкви: «Этот обоюдный процесс развития римского государства и христианской церкви, питаемый из одних и тех же корней (христианство было идеологическим продуктом римского общества), привел к союзу императорской власти с церковью. Церковь шла на такой союз, а императорская власть в изменившихся социальных условиях искала новую социальную опору» [15, с. 203].

Сделанный в монографии вывод поставил перед автором очередной вопрос: каким образом христианская церковь шла на сближение с властями, периодически устраивавшими гонения против нее?

Дать ответ на поставленный вопрос была призванная четвертая монография В. А. Федосика «Киприан и античное христианство» [17] (рецензент – профессор Свенцицкая). Книга была написана в формате показа эпохи через жизнь и деятельность одного из наиболее ярких ее представителей (см., например: В. В. Бартольд «Улугбек и его время» (1918), С. Л. Утченко «Цицерон и его время»

(1972)), что выгодно отличает ее от предыдущих монографий Виктора Анатольевича. В ней органически сочетаются глубина исследовательской мысли и более живой стиль изложения, рассчитанный на широкую аудиторию.

Киприан Карфагенский. Фасций Цецилий Киприан родился в самом начале III в. Во второй половине 40-х гг. он принял христианство. Вскоре был посвящен в сан пресвитера. Около 249 г. избран епископом Карфагена.

В 250 г. появился знаменитый антихристианский эдикт Деция, который предписывал всем жителям империи совершить жертвоприношение римским богам. Для христиан подобное действие было святотатством. Их отказ привел к репрессиям, вплоть до казни. Жертвоприношение совершалось в присутствии специальной комиссии, которая выдавала свидетельство (либеллу). Совершившие жертвоприношение становились «падшими», не совершавшие принимали мученическую смерть [17, с. 97–98]. Появление в рамках церкви значительного числа отступников создало для нее большую проблему: если их всех отлучить от церкви, то численность последней сократится в разы.

Киприан прекрасно понимал всю сложность проблемы и проявил склонность к компромиссам. «По его мнению нельзя ставить на одну доску либеллятиков (так Киприан называл христиан, купивших либеллу) и тех, кто на самом деле участвовал в жертвоприношениях. Да и среди последних нужно учитывать различные побудительные мотивы: добровольно или под угрозой принесена жертва, принесена ли она только главой фамилии или же к жертвеннику были приведены все домочадцы, подстрекал ли жертвующий и других к такому поступку и т. д.» [17, с. 160].

Линия Киприана победила. Карфагенский собор 253 г. постановил, что те из «падших», которые раскаялись в проявленной слабости и не покинули церковь, должны быть прощены и допущены к общению. Это была, как подчеркивает В. А. Федосик, блестящая победа Киприана, сохранившая массовую базу церкви и отсекая ригористов [17, с. 166].

Разрешение ситуации с «падшими» по сценарию, предложенному Киприаном, дало церкви алгоритм действий по отношению к римским властям: достижение с ними компромисса (покупка или получение либеллы в данном конкретном случае) вероотступничеством не является и может быть прощено после покаяния. Путь к возможному союзу с империей в случае прекращения последней антихристианской политики был открыт. Вопросы, связанные с изменением религиозной политики империи, были рассмотрены В. А. Федосиком в рамках докторской диссертации.

Завершение формирования концепции античного христианства. В 1992 году Виктор Анатольевич подвел итоги своим многолетним научным изысканиям по истории античного христианства и свел наработки в единую концепцию. Завершающим этапом при этом стал анализ процесса становления христианской церкви в III – начале IV в. и религиозной политики Римской империи того же времени. Анализ проводился в рамках диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Диссертация могла быть оформлена в одном из двух форматов: 1) традиционный (текст и публикуемый автореферат), 2) публикуемый научный доклад. Наиболее оптимальным был признан последний вариант, ибо объем научного доклада значительно превышал объем автореферата, что давало возможность более полно изложить свою концепцию. Опиралась диссертация на четыре рассмотренные выше монографии и 14 статей [18]. Оппонентами на защите выступили доктор исторических наук и профессора: Василий Иванович Кузищин (заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ), неоднократно

упоминавшаяся Ирина Сергеевна Свенцицкая и Вера Ивановна Горемыкина, автор книги «В поисках истины о раннем христианстве» [19].

Разбирая вопрос об изменении религиозной политики властей Римской империи, Виктор Анатольевич показал, что преемникам Диоклетиана, проводшего последнее, как оказалось, наступление на христианскую церковь, была необходима прочная идеологическая база для формирующегося режима домината. Программа новой религиозной политики предусматривала право на свободный выбор каждого «читать божество, какое пожелает». «Это был курс на использование любой религии, – делает вывод автор доклада, – существовавшей в Римской империи, в качестве идеологического обоснования императорской власти, незыблемости римского государства» [18, с. 47]. Защита прошла успешно. Ее результаты были утверждены ВАКом СССР, присвоившим Виктору Анатольевичу Федосику ученую степень доктора исторических наук.

Концепция античного христианства была сформирована. Публикации последующих лет разрабатывали отдельные частные проблемы, придавали новое освещение деталям: указано на историчность Иисуса Христа и формирование первых христианских общин с демократическим устройством в Палестине, установлена периодизация античного христианства [20; 21, с. 68–73], рассмотрено формирование культа мучеников [22; 23], подробно проанализирован Миланский эдикт [24; 25], но за концептуальные рамки не выходили.

Концепция античного христианства в исследованиях В. А. Федосика может быть представлена следующим образом:

1. Первые христианские общины возникли в Палестине в I в. н. э. после казни на кресте Иисуса из Назарета, основателя учения, и деятельности его учеников и апостола Павла.

2. В своем развитии античное христианство прошло следующие этапы: раннехристианские общины с демократическим устройством (кон. I – II вв.), епископальная церковь в противостоянии с римскими властями (III – нач. IV вв.), епископальная церковь в союзе с римскими властями (после Миланского эдикта), государственная религия Римской империи (после эдикта Феодосия I).

3. Сформировавшиеся в общинах обряды крещения и причастия в конце II в. были объявлены таинствами, связанными с получением благодати. Единственным распределителем ее был признан клир, усиливший свои позиции в результате увеличения в общинах влияния имущих элементов. В III в. в результате драматизации культа сложились первые литургии, включившие в себя со временем молитвенные просьбы за благополучие государства, императоров, армии.

4. Стремление клира к увеличению числа верующих привело к формированию института катехумената. Бывшие катехумены, получившие определенный запас знаний и аргументов, после принятия крещения становились не только полноправными членами общины, но и подготовленными пропагандистами новой веры.

5. В ходе антихристианских гонений III – начала IV вв. церковь выработала алгоритм компромиссного поведения, открывший ее для возможного союза с властями римской империи.

6. Императорская власть в условиях выхода из кризиса III в. и формирования режима домината в начале IV в. приступила к поискам новой идеологической опоры и в качестве первого шага легализовала христианскую церковь Миланским эдиктом. Церковь была допущена на равных условиях с традиционной религией к борьбе за право вступить в союз с властью. После эдикта Феодосия I христианство стало государственной религией Римской империи.

Библиографические ссылки

1. Евтухов, И. О. Кафедра истории древнего мира и средних веков: к 80-летию создания / И. О. Евтухов. – Минск: БГУ, 2015. – 223 с.
2. Никольский, Н. М. Иисус и первые христианские общины / Н. М. Никольский. – М.: Денница, 1918. – 116 с.
3. Никольский, Н. М. Христианство / Н. М. Никольский // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. – Т. 47. Ч. 3. – М.: Рус. библиогр. инст. Гранат, 1929. – Стлб. 1–24.
4. Никольский, Н. М. Мировой и социальный переворот по воззрениям раннего христианства / Н. М. Никольский // Никольский, Н. М. Избранные произведения по истории религии. М., 1974. С. 148–205.
5. Никольский, Н. М. Еврейские и христианские праздники. Их происхождение и история / Н. М. Никольский. – М: Безбожник, 1931. – 133 с.
6. Лившиц, Г. М. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря / Г. М. Лившиц. – Минск: Вышэйшая школа, 1967. – 308 с.
7. Федосик, В. А. Возникновение христианских таинств крещения и причащения (социально-политическая эволюция христианства и обрядовая практика). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 22 с.
8. Федосик, В. А. Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств / В. А. Федосик. – Минск: Наука и техника, 1979. – 152 с.
9. Федосик, В. А. Уникальная кафедра: слово заведующего / В. А. Федосик // Евтухов, И. О. Кафедра истории древнего мира и средних веков: к 80-летию создания. Минск: БГУ, 2015. – С. 3–16.
10. Федосик, В. А. Критика богословских концепций сущности христианского катехумената / В. А. Федосик. – Минск: Наука и техника, 1983. – 87 с.
11. Turner, P. The Hallelujah Highway: A History of the Catechumenate / Paul Turner. – Liturgy Training Publications, 2000. – 181 p.
12. Bradshaw, P. F. The Gospel and the Catechumenate in the Third Century / Paul F. Bradshaw // The Journal of Theological Studies. – 1999. – Vol. 50. Iss. 1. – P. 143–152.
13. Бухарев, И. Краткое объяснение Всенощной Литургии / И. Бухарев. – М., 1904. – 189 с.
14. Августин Блаженный Об обучении оглашаемых / Пер. М. Е. Сергеев // БТ. 1976. Сб. 15. С. 25–55.
15. Федосик, В. А. Церковь и государство: критика богословских концепций / В. А. Федосик. – Минск: Наука и техника, 1988. – 205 с.
16. Мученичество четырех святых венценосных, написанное Порфирием; Мученичество св. Квирина, еп. Сиский, в Паннонии; Мученичество св. Флориана / Пер. Ю. К. Колосовская // ВДИ. 1992. – № 4. – С. 222–241.
17. Федосик, В. А. Киприан и античное христианство / В. А. Федосик. – Минск: Университетское, 1991. – 208 с.
18. Федосик, В. А. Христианская церковь в Римской империи в III – начале IV в. (Становление христианской церкви и религиозная политика императорской власти). Специальность – 07.00.03 – всеобщая история. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в форме научного доклада. – Минск, 1992. – 51 с.
19. Горемыкина, В. И. В поисках истины о раннем христианстве. – Минск: Беларусь, 1989. – 93 с.
20. Федосик, В. А. Античное христианство / В. А. Федосик // Всемирная история. – Т. 1. – Минск: «Юнипресс», 2002. – С. 134–143.

21. История Древней Греции и Древнего Рима / В. А. Федосик [и др.]; под ред. В. А. Федосика. – Минск: БГУ, 2019. – 303 с.

22. Федосик, В. А., Торканевский, А. А., Яновская, В. В., Яновский, О. А. Рим и христианские мученики (реалии античности и духовная традиция) / В. А. Федосик, А. А. Торканевский, В. В. Яновская, О. А. Яновский. – Минск: БГУ, 2012. – 171 с.

23. Федосик, В. А., Яновская, В. В., Яновский, О. А. Мученичество в раннем христианстве: очерк исторического восприятия / В. А. Федосик, В. В. Яновская, О. А. Яновский. – Минск: Изд. Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2011. – 255 с.

24. Федосик, В. А. Миланский эдикт и христианство в Римской империи (к 1700-летию Миланского эдикта) / В. А. Федосик // Гуманитарно-экономический вестник. – №2. 2013. – С. 219–228.

25. Федосик, В. А. Миланский эдикт и христианство в Римской империи в IV веке / В. А. Федосик // Значение Миланского эдикта в истории европейской цивилизации и актуальные вопросы отношений церкви и государства в современных условиях. Сборник материалов по итогам Международной научной конференции, посвященной 1700-летию Миланского эдикта – Минск: Ковчег, 2015. – С. 31–45.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА В. А. ФЕДОСИКА

1. Происхождение и сущность христианского обряда бракосочетания. – Брест: Знание, 1971. – 20 с. (с Ивановым В.М.)

2. Некоторые вопросы историографии христианских таинств // Вопросы истории древнего мира и средних веков. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – С. 97–107.

3. Происхождение и социальная сущность христианских таинств крещения и причащения. – Минск: Знание, 1976. – 20 с.

4. Раннехрысціянскія абрады і прычашчэнні (сацыяльна-палітычная эвалюцыя хрысціянства і абрадавая практыка) // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1976. – № 3. – С. 118–127.

5. Возникновение христианских таинств крещения и причащения (социально-политическая эволюция христианства и обрядовая практика). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 22 с.

6. О влиянии мистерий восточных религий на формирование ритуальных форм и символик и христианских обрядов // Вопросы истории древнего мира и средних веков. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – С. 76–82.

7. Крытыка багаслоўскіх канцэпцый узнікнення і сутнасці першых хрысціянскіх таінстваў // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1978. – № 4. – С. 51–59.

8. Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств. – Минск: Наука и техника, 1979. – 152 с.

9. О социальной сущности обрядов крещения и хлебопреломления у современных евангельских христиан-баптистов // Вопросы этнографии и фольклористики. – Минск: Наука и техника, 1979. – С. 100–108.